

Ю.Г.Окуман

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИРИКА И САТИРА ПУШКИНА

Литература у народа, не имеющего государственной свободы, единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести.

А.И.Герцен. "О развитии революционных идей в России"

Движение декабристов как революционное движение и новый этап общественно-политической мысли в России объективно связано с национальным подъёмом годов Отечественной войны. Это факт общеизвестный, выразительно документируемый произведениями и высказываниями самих декабристов.

"Наполеон вторгся в Россию, — отмечал в своих показаниях А.А. Бестужев в 1826 г., — и тогда-то русский народ впервые ощутил свои силы; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной. Вот начало свободы мысли в России".

Отечественная война явилась сильнейшим возбудителем политической мысли и молодого Пушкина. Еще на лицейской скамье живо восприняты были им такие могущественные впечатления, как вторжение Наполеона в Россию, Смоленская и Бородинская битвы, сожжение Москвы, национальный подъём 1812 года, первые успехи народного ополчения и партизан в борьбе с оккупантами, освобождение родины, крушение наполеоновских замыслов мирового господства, освобождение русскими войсками поработённой Европы, взятие Парижа.

"Поисшествия 1812, 13, 14 и 15 годов, — свидетельствовал Пестель, отвечая на вопросы Следственной комиссии от 18 января 1826 г. — показали столько престолов низверженных, столько других поставленных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся и опять изгнанных, столько революций совершённых, столько переворотов произведённых, что все сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить".

Эта полоса войн и революций понималась декабристами как отличительная черта эпохи, деятелями которой они были: "Имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается

революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же".

"Главное стремление нынешнего века, — писал тот же Пестель в более ранних своих показаниях, — состоит в борьбе между массами народными и аристокрациями всякого рода, как на богатстве, так и на правах наследственных основанных" ¹.

Тот выбор, который сделан был в 1816—1817 гг. Пестелем и его ближайшими единомышленниками в их ориентации на "массы народные", а не на "аристокрации всякого рода", сделан был вскоре и Пушкиным.

По окончании лицея Пушкин очень быстро и политически, и литературно отмежевывается от своих учителей и старших товарищей по "Арзамасу" и ищет пути к Катенину, политическому лидеру первых тайных организаций декабристов, автору первой русской имитации Марсельезы:

Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей.
Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы троны царей.
Свобода, свобода!
Ты царствуй над нами.
Ах, лучше смерть, чем жить рабами:
Вот клятва каждого из нас.

О том, что Пушкин в 1817—1818 годах переживал тяжелый творческий кризис, общеизвестно. Но давно пора сказать, что этот кризис прежде всего обусловлен был тупиком, в который его завела антинародная и бесперспективная поэтика "Арзамаса".

В одном из характернейших мадригалов арзамасской поры Пушкин с исключительной откровенностью заявляет:

"Кривъ чужих неопытный любитель // И своего всегдашний обвинитель // Я говорил: в отечестве моём // Где верный ум, где гений мы найдём?... Отечество почти я ненавижу — // Но я вчера Голицыну увидел // И примирён с отечеством моим".

Пушкин в 1817—1818 гг. очень мало пишет и почти ничего не печатает. И отнюдь не по политическим мотивам. Его основной жанр — дружеские, интимно-бытовые послания, понятные лишь десятку знакомых автора и адресата. Позиция поэта определяется концовкой его известного ответа на увещания Тургенева вернуться к

I Восстание декабристов. Т. IV. С. 105, 91.

работе:

Не вызывай меня ты боле
К навек оставленным трудам
Ни к поэтической неволе,
Ни к обработанным стихам.
Что нужды, если и с ошибкой
И слабо иногда пою.
Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь беспечную мою
Воспламенит и успокоит,
А труд и холоден и пуст;
Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст.

Не надо быть большим знатоком текстов Пушкина и лирики 10-х годов, чтобы понять логическую невозможность одновременной работы над одой "Вольность" и над созданием мадригала Голицыной и ответа Тургеневу.

Ода "Вольность" несовместима по своему пафосу ни с поэтикой, ни с идеологическими установками "Араамеса". Процесс изживания традиций "Араамеса" был облегчён для Пушкина сближением с Гнедичем и Крыловым, дружбой с Катениным, общением с М.Ф.Орловым, Н.И.Тургеневым, Н.М.Муравьёвым.

1818 год был одним из самых тусклых в литературно-общественной жизни Петербурга. Войска гвардии целый год пробыли в Москве на торжествах по случаю открытия храма Христа Спасителя в память Отечественной войны. Вместе с гвардией в Москву переместился и центр революционной работы - Союза Спасения. За гвардией потянулась в Москву и гражданская интеллигенция - чиновники, писатели, учёные. Эта концентрация в Москве ведущих деятелей дворянской оппозиционной интеллигенции имела следствием, как известно, выработку летом 1818 г. новой политической платформы широкого фронта борьбы с абсолютизмом и крепостничеством - создание Союза Благоденствия, второй по счёту тайной организации будущих декабристов.

Стихотворный памфлет на Александра I был написан около 20 декабря 1818 г. Царь возвратился в Петербург точно к рождеству, чем и объясняется избранная Пушкиным форма "Ноэля" - рождественской песенки. Этот первый литературно-политический дебют Пушкина поставил перед руководителями Союза Благоденствия вопрос

об использовании поэтического мастерства Пушкина в прямых интересах тайной организации. Именно с этого времени (а никак не раньше) и Пушкин прямо и открыто становится на точку зрения определенной общественной группы, то есть Союза Благоденствия.

Первый стихотворный памфлет на Александра I — "Ура! В Россию скачет кочующий деспот" — появился в Петербурге в конце декабря 1818 г. Этот памфлет, одно из самых ранних выступлений Пушкина как политического лирика, связанного с первыми тайными организациями декабристов, создан был под несомненным идеологическим воздействием, а может быть, и по прямому заданию руководителей Союза Благоденствия. Стихи приурочены были к возвращению Александра I в столицу с Аахенского конгресса (22 декабря 1818 г. он приехал в Царское село). Именно на этом конгрессе русский царь выявил себя до конца как знаменосец феодальной реакции, как послушный ученик австрийского государственного канцлера Меттерниха, как верный союзник Бурбонов, Габсбургов, Гогенцоллернов. Пушкинская песня о "кочующем деспоте", предателя национальных интересов России, лживом и лицемерном пустослове, подрывала самые корни официальной легенды об Александре "благословенном", о царе-реформаторе, надеждами на которого уже второе десятилетие питался русский дворянский либерализм.

Время создания памфлета "Ура! В Россию скачет кочующий деспот" в течение многих десятилетий ошибочно определялось весной 1818 г. Эта комментаторская традиция (П.А.Ефремов, П.О.Морозов, В.Е.Якушкин, Н.О.Лернер, М.А.Цявловский, Б.В.Томашевский) основывалась на том, что пушкинский "Ноэль" являлся якобы откликом поэта на речь императора Александра I 15/27 марта 1818 г. при открытии первого сейма Царства Польского. В этой речи царь обещал не только строго соблюдать польскую конституцию, но и реорганизовать на конституционных началах государственный строй всей российской империи. Передовая общественность очень сочувственно реагировала как на варшавское выступление, так и на подтверждение царем этих обещаний в октябре 1818 г. в беседе с маршалом Мезоном¹. Разумеется, ни весной, ни осенью 1818г. у Пушкина не могло быть еще никаких оснований для объявления деклараций Александра I "сказками". Лживая и лицемерная тактика царя обнаружилась лишь в пору Аахенского конгресса, когда в ноябре 1818 г. Алек-

¹ Дневники и письма Н.И.Тургенева. М., 1921. Т.2. С.160; Т.3. С.121; Письма Н.М.Карамзина к И.И.Дмитриеву, СПб., 1866. С.236.

сандр I безоговорочно санкционировал домогательства идеологов феодальной реакции об установлении единой политической линии Священного Союза во всей Европе.

С Аахенского конгресса Александр I возвратился в Царское Село 22 декабря 1818 г., т.е. за два дня до праздника Рождества. К этому приезду "кочующего деспота" и приурочен был пушкинский памфлет, построенный как традиционная рождественская сатирическая песня. Эта датировка "Нозля", установленная нами в докладе о Пушкине и декабристах, сделанном в Пушкинской комиссии в 1936 г., была закреплена в печати только в 1949 г.¹.

х х х

В конце января 1819 г. Н.И.Тургенев, глава Союза Благоденствия и друг Пушкина, много работает над планом организации особого "Общества 19-го года XIX столетия", основной целью которого, по его мысли, должна стать широкая издательская деятельность, в первую очередь большой общественно-литературный журнал. О том, каковы были конкретные задачи этих изданий, свидетельствует записка Н.И.Тургенева к Куницыну, писанная около 1 февраля 1819г.: "Многие благомыслящие люди, имея даже к тому возможность, чувствуют недостаток в средствах, через которые они могли бы обратить внимание публики на некоторые здравые идеи, сообщить ей некоторые справедливые понятия, представить некоторые истинные правила, благодетельные в приложении. Человеку, который невольно бывает увлекаем к размышлениям о благе, о чести, о славе отечества, часто приходят мысли, которые он желал бы сделать известными".

Итак, по мысли Н.И.Тургенева, "Общество 19-го года XIX столетия" должно было пропагандировать "здравые идеи", которые, как мы знаем из истории Союза Благоденствия, сводились в эту пору прежде всего к проповеди конституции и крестьянского освобождения. Имя Пушкина не случайно стоит в проекте Тургенева в числе первых имён авторов, которых предполагалось привлечь к участию в изданиях "Общества 19-го года".

Как мы знаем, от мысли об "Обществе 19-го года" Тургенев должен был отказаться. Обострение реакции после убийства Коцебу заставило поставить крест на легальных формах пропагандистской литературы. В качестве средства воздействия на общественное мнение

1. См.: Литературное наследство. Т.59. С.80.

ние остаются только нелегальные формы литературы. Самыми популярными и действенными из них оказываются произведения Пушкина. Мы имеем в виду "Сказки", "Вольность", "Деревня", "Ответ Н.Я.П.". Может, не все из более поздних политических произведений Пушкина были созданы по непосредственным заданиям тайного общества, но названные нами выше очень точно согласованы были с конкретными заданиями тайного общества на том или ином этапе развёртывания его работы именно в 1819 году. Почти все эти произведения вызваны были к жизни по прямому почину вождей Союза Благосенствия и основной своей целью имели распространение его совершенно конкретных политических лозунгов - освобождение крестьян, во-первых, и создание законно-свободных (конституционных) учреждений, во-вторых. В условиях 1819 г. эти лозунги объективно отражали интересы всей передовой оппозиционной общественности, еще не вставшей на путь революционной борьбы. И "Вольность", и "Деревня" - это ещё те виды пропагандистской литературы, в которых оружие критики еще не предвещает скорого перехода к критике оружием. Это не призывы масс к революционному действию, а лишь вдохновенное обращение к сердцу и разуму правящего класса, гениальная художественная популяризация некоторых теоретических истин, конкретных политических задач и тактических положений, созревших в главном штабе Союза Благосенствия. Несколько другой характер имеет "Ответ на вызов" и вся серия убийственных пушкинских эпиграмм на столпов государственного аппарата - идеологов александровской реакции от Аракчеева и кн.Голицына до Стурдзы и архимандрита Фотия.

В.И. Ленин, имея в виду агитационно-пропагандистскую работу русских социал-демократов, очень тонко отличал "пропаганду научного социализма и демократических идей" от "агитации на почве ближайших политических нужд, бедствий и требований рабочего класса". К этому второму виду работы В.И. Ленин относил и "агитацию против каждого выдающегося представителя и лакея абсолютизма"¹.

В условиях 1819-1820 гг. лирика и сатира Пушкина блестяще и почти монополюбно осуществляли основные пропагандистские (популяризация идей крестьянского освобождения и "законно-свободных" учреждений) и агитационные (дискредитация столпов и "лакеев абсолютизма" - от Аракчеева, кн.Голицына и архимандрита Фотия до Стурдзы и Керемзина включительно) задачи, стоявшие на первом

этапе борьбы "дворянских революционеров" с самодержавно-помещичьим государством.

х х х

Результаты исследования политической лирики и сатиры Пушкина позволяют установить несостоятельность традиционной хронологии основных агитационно-пропагандистских произведений Пушкина периода 1818-1820 гг. В отмену общепринятой последовательности текстов: ода "Вольность" - декабрь 1817 г., "Сказки" ("Нозель") - весна 1818 г., послание "К Чаадаеву" (1818 г.), "Деревня" - июль 1819 г., "Ответ на вызов написать стихи в честь имп. Елизаветы Алексеевны" - сентябрь 1819 г., - мы предлагаем новую хронологию, основанную на критическом изучении всех дошедших до нас архивных и печатных первоисточников агитационно-пропагандистских произведений Пушкина: 1. "Сказки" ("Нозель") - вторая половина декабря 1818г.; 2. Ода "Вольность" - январь-февраль 1819 г.; 3. "Деревня" - июль 1819 г.; 4. Ответ на вызов... - сентябрь 1819 г.; 5. послание "К Чаадаеву" - январь-февраль 1820 г.

Если в пору своего появления каждое из этих произведений воспринималось независимо от других, имело свой особый конкретно-политический смысл и связанный с этим индивидуальный эффект, то после ссылки Пушкина его политическая лирика и сатира стали восприниматься в широких кругах русской оппозиционной общественности как определённый и вполне законченный, хотя и не имеющий строгой хронологической и тематической последовательности, цикл произведений, "презревших печать"¹.

Если в пору 1818-1820 гг. Пушкин создавал свои политические агитки не только по своей инициативе, но и по прямому или косвенному почину вождей Союза Благоденствия, являясь их последователем и учеником, то в следующий период действий тайных организаций, в пору Южного и Северного тайных обществ, с 1821 по 1825 гг., Пушкин сам уже своими произведениями, созданными в 1818-1820 годах, оказывал мощное влияние на новые кадры декабристской молодёжи, являлся в известной мере её политическим воспитателем и вдохновителем.

1. Это обобщенное восприятие нелегальной политической лирики Пушкина характерно, кстати сказать, и для показаний о ней самих декабристов в Следственной комиссии 1825-1826 гг., и для их судей. Отсюда идет и антиисторическая концепция агитационно-пропагандистской лирики и сатиры Пушкина в позднейшей исследовательской литературе.

Это изменение роли и образа автора в разные периоды распространения его нелегальных произведений обусловило некоторые изменения и в функции созданных Пушкиным образцов агитационно-пропагандистской литературы. Их политпросветительная направленность ощущалась около середины 20-х годов в меньшей степени, чем чисто эмоциональная агитационность. Особенно характерно в этом отношении новое восприятие оды "Вольность", революционные интонации которой оказались в конечном счете сильнее её умеренно-либеральных общих политических установок¹.

Арзамасец А.И. Тургенев, внимательно наблюдавший молодого Пушкина после выхода его из лицея, с негодованием отмечал в письме от 12 ноября 1817 года к Жуковскому "вкус" Пушкина к "площадному волокитству, и вольнодумству, также площадное, XVIII-го столетия".

"Площадное вольнодумство", то есть не абстрактно-кабинетный либерализм, а политическая активность, связанная с площадью, с народной массой.

Друзья, немного снисхожденья,
Оставьте красный мне колпак.
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак.

Эти строки из послания Пушкина "Товарищем" перед выпуском из лицея ("Промчались годы заточенья") очень характерны. Пушкин перед выходом из школы не думает ни о гражданской службе, ни о военной ("Не рвусь я грудью в капитаны, // И не ползу в ассесора"), желая сохранить свою политическую независимость, олицетворяемую "красным колпаком" якобинца. Этим положением он очень, видимо, дорожит, хотя и понимает, что ставит себя под угрозу репрессий — сдачу в солдаты: "Пока его за прегрешенья // Не променял я на шишак"².

В послании "Товарищем" речь шла не о каких-либо конкретных литературных произведениях большого звучания (таковых в портфеле поэта еще не было), а об общей линии политического поведения, об отношении молодого поэта к крепостническому государству и его официальным представителям. Поднятое декабристами знамя открытой,

1. Очень тонко и правильно отмечая, что "эмоциональный тон, патетический накал "Вольности", был подчеркнут явно сильнее её политической мысли", Д.Д.Благой не объясняет, однако, причин этого раздвоения.
2. Политический смысл послания "Товарищем" (1817) впервые раскрыт до конца в книге А.Л.Слонимского "Мастерство Пушкина" (М., 1959. С.27-28).

политически осмысленной борьбы с крепостным правом и с его политическим стражем — самодержавием — явилось знаменем и Пушкина. Из ближайших товарищей его по лицу двое — Пущин и Вальховский — с 1817 г. были членами Союза Спасения, затем Союза Благоденствия и Северного общества; третий — Кожельбегер — с оружием в руках выступил 14 декабря на Сенатской площади. Пушкин связан был давним личным знакомством со всеми вождями декабризма, с организаторами их первых конспиративных объединений — Никитой Муравьевым, М.Ф. Орловым, Н.И. Тургеневым, С.П. Трубецким, П.И. Пестелем и К.Ф. Рылевым. Из членов Союзов Спасения и Благоденствия Пушкин близко знал Ф.Н. Глинку, Лунина, Якушкина, Катенина, Я.Н. Толстого, был дружен с Чаадаевым и Кавериним. С 1817-го года Пушкин был знаком с С.И. Муравьевым-Апостолом, а с 1820-го — с М.П. Бестужевым-Рюминим, руководителями восстания Черниговского полка. В Кишинёве Пушкин очень близко мог наблюдать широкую пропагандистскую работу, развернутую в войсках 16-й пехотной дивизии В.Ф. Раевским, К.А. Охотниковым, П.С. Пущиним. Все эти люди тогда же стали его друзьями. В Каменке Пушкин познакомился и подружился с В.Л. Давыдовым, в Одессе — с С.Г. Волконским. С 1821 года Пушкин поддерживал деятельную переписку с А.А. Бестужевым. Я перечисляю имене только ведущих деятелей тайных организаций 10-х и 20-х годов, ибо полный список декабристов — знакомцев Пушкина должен был бы заключать около полутора ста фамилий.

"Я был в связи с большою частью нынешних заговорщиков", — признавался Пушкин в письме к Жуковскому, писанному через несколько недель после 14-го декабря.

"Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков", — повторял Пушкин 10 июля 1826 г. Вяземскому, а 14 июля писал ему же: "Повешенные — повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей — ужасна".

"В конце 1825 г., при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь свои тетради, которые могли замешать имена, а может быть, и умножить число жертв, — писал Пушкин в 1830 г. — Не могу не сожалеть об их потере: я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства".

Почему же, однако, эта "откровенность дружбы или короткого знакомства" не перешла у Пушкина в более тесную организационную связь? Почему Пушкин, ваяясь больше восьми лет в декабристском

ооку, являясь крупнейшим выразителем настроений декабристской интеллигенции, её подлинным поэтическим трибуном, автором произведений, "партийная" направленность и агитационно-пропагандистская функция которых не вызывает никаких сомнений, почему он всё же не был членом тайного общества и не получил тем самым формальных прав на включение ни в официальный Николаевский "Алфавит декабристов", ни в позднейшие дополнения к нему?

Этот вопрос в течение многих десятков лет занимал современников Пушкина и несколько поколений его биографов и исследователей.

Вопрос о Пушкине-декабристе гораздо более сложен, чем проблема "Грибоедов и декабристы", ибо автор "Горя от ума" сам, как известно, уклонялся от вступления в Тайное общество, а Пушкин, добиваясь этой чести и в 1817, и в 1819, и в 1820, и в 1825 гг. (см. также авторитетные свидетельства об этом, как записки декабристов И.И.Пушина и И.Д.Якушкина), формально оставался всё же, так сказать, "вне партии". Но только ли Пушкин и Грибоедов из ведущих представителей передовой общественности 10-х годов оказались вне тайного общества? Так ли уж парадоксален и неожидан этот факт, каким он сейчас представляется нам, механически переносящим в условия 10-20-х годов наши представления о формах партийной работы и методах политической борьбы? Для уяснения вопроса о причинах отсутствия Пушкина и Грибоедова в тайных организациях декабристов мною в течение нескольких лет пересмотрены были все следственные дела членов Союза Благоденствия, Южного и Северного обществ, их письма, дневники и мемуары, равно как и важнейшие материалы о крупнейших передовых общественных деятелях, поэтах, писателях и учёных первой четверти XIX столетия. Эти печатные и архивные данные позволили установить, что членами тайных декабристских организаций не были, несмотря на свой политический активизм, личную и идеологическую близость к декабристам, не только Пушкин и Грибоедов, но и такие известные "либералисты" (по терминологии Карамзина) этой поры, как Н.И.Гнедич, как профессор А.П.Куницын, как кн. П.А.Вяземский, как дипломаты С.И.Тургенев и С.И.Кривцов, как поэт и переводчик Шишков 2-й, формально не были приняты в Союз Благоденствия, несмотря на свою очень близкую связь с М.Ф. Орловым, К.А.Охотниковым и В.Ф.Раевским, братья И.П. и И.П.Липради и Н.С.Таушев. Лишь в самом конце 1818 г. вступил в Союз Благоденствия будущий его вождь Н.И.Тургенев, только в 1821 г. стал членом тайного общества П.Я.Чаадаев, только в 1823 г. при-

нят был в Северное общество К.Ф.Рылеев, дебютировавший сатирой "К временщику" еще в 1820 г., автор общеизвестных политических дум 1821-1823 гг.; только в 1824 г. стал членом Северного общества А.А.Бестужев; только за три недели до восстания принят был в тайное общество В.К.Кюхельбекер, революционная направленность произведений которого не вызвала никаких сомнений с 1817 года.

Все эти факты очень многозначительны и решительно не позволяют вне конкретных условий формирования и развёртывания тех или иных тайных организаций десятих-двадцатых годов характеризовать положение Пушкине в ряду декабристов, из которых многие к тому же сами являлись декабристами весьма позднего призыва. Нельзя не вспомнить в этом аспекте и признания Н.И.Тургенева в его известной "Записке о свойстве и мере моего участия в тайных обществах", направленной 18 октября 1826 г. царю: "Умножать число членов я не только не советовал, но часто говорил против сего, ибо скоро увидел, что для успеха в намерениях общества не было никакой нужды увеличивать числа членов; ибо посторонние, не принадлежа к обществу, не менее могли содействовать сему успеху, как и члены общества"¹.

Историки либерально-дворянского лагеря, вольно или невольно фальсифицируя политическую биографию Пушкина, факт формального неучастия его в декабристских тайных организациях толковали как доказательство отсутствия органических связей Пушкина с революционным подпольем, как показатель, с одной стороны, известного недоверия декабристов к Пушкину и, с другой, как сознательное нежелание поэта подчинить линию своего общественного и литературного поведения программе и тактике Союза Благоденствия, Южного и Северного тайных обществ. В плену либерально-дворянской концепции биографии Пушкина оказалась и буржуазная историография, и историография народническая, и все писания о Пушкине позднейших вульгарных социологов. Равница была только в том, что либералы с глубоким удовлетворением подчёркивали факт отсутствия имени Пушкина в "Алфавите декабристов", а народники и вульгарные социологи, на основании тех же данных, с "душевным прискорбием" деквалифицировали политическую лирику и сатиру Пушкина, снижали её историческую роль, отрывали Пушкина от революционного движения его времени.

Критическое изучение конкретных первоисточников, относящихся
I. Красный архив, 1925. Т.13. С.78.

ся к нашей теме, начатое в работах П.Е.Щаголева и Б.Л.Модзалевского, продолженное в исследованиях А.Л.Слонимского, М.А.Цявловского, Ю.Н.Тынянова, С.Я.Гессена, М.В.Нечкиной, Д.Д.Благого, Б.С.Мейлаха, А.Н.Шебунина и других, идёт крайне медленными темпами. Результаты этих изучений далеко недостаточны. Задачей нашей и является поэтому, во-первых, уточнение некоторых методологических вопросов, имеющих непосредственное отношение к самой проблематике политической лирики и сатиры десятых и двадцатых годов и, во-вторых, освещение идеологической эволюции Пушкина на основе изучения его нелегальных произведений, осмысляемых, в свою очередь, на конкретном историческом фоне политической действительности этой поры.

х х х

"Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории", — писал В.И.Ленин 30 ноября 1916 г. в письме к Инессе Арманд.

Удовлетворяет ли этим основным законам исторического исследования изучение фактов политической биографии Пушкина? К сожалению, нет. Мы не только не знаем, в какой связи стоят с задачами агитационно-пропагандистской работы декабристов такие шедевры политической лирики Пушкина, как ода "Вольность", "Новель", "Деревня", послание "К Чаадаеву", но и очень смутно представляем себе хронологическую последовательность этих произведений. А шатание в области хронологии обуславливает путаницу представлений и об идеологической эволюции Пушкина в пределах 1817-1821 гг. Совпадает ли эволюция Пушкина этих лет с эволюцией декабризма? Какие течения в последнем, либеральное или демократическое, более близки Пушкину и с какими моментами в деятельности тех или иных тайных организаций декабристов политическая лирика Пушкина корреспондирует?

Чем объясняются такие противоречия в политических декларациях Пушкина, как воззвание к Александру в "Деревне" ("Увижу ль, о друзья, народ неугнетённый// И рабство, навшее по манию царя"/ и призыв к разрушению "самовластия" в послании "К Чаадаеву"/ "Люби, надежды, тихой славы"// Не долго нежил? нас обман"/? В какой мере согласуется концовка послания "К Чаадаеву" (1818 г.):

Товарищ, верь; взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,

И на обломках самозластья

Напишут наши имена!

с известной строфой послания к А.Ф.Орлову (1819 г.):

Питомец пламенный Беллоны,

У трона верный гражданин!

Орлов, я стану под знамёны

Твоих воинственных дружин;

Что чему здесь предшествует, т.е. движется ли Пушкин от реформизма к революции или наоборот?

Самая ранняя из декабристских тайных организаций - Союз Спасения или Истинных и Верных Сыннов Отечества - получил начало в первых месяцах 1816 г., а организационно оформился лишь в феврале 1817 г. Это была очень замкнутая и строго законспирированная группа заговорщиков, не считывавшая даже через год своей работы, по показаниям Сергея Трубецкого, "не более 10-12 членов". К сентябрю 1817 г. число это, вероятно, удвоилось, но сфера влияния Союза не сделалась от этого значительно шире. В члены Союза Спасения принимались по строжайшему отбору только офицеры гвардейских полков и генерального штаба. Пушкин встречался с некоторыми из членов Союза у Карамзина, у Чаадаева, в "Арзамесе", но даже о существовании этой тайной организации, видимо, и не подозревал. Не пользуясь в 1816-1817 гг. по самой своей молодости еще никаким политическим авторитетом, ничем серьезным не обеспечив ещё своего положения в литературе и не принадлежа, наконец, к составу гвардейского офицерства, вне которого Союз Спасения не вербовал своих членов, Пушкин не представлял ещё никакого интереса для первой тайной организации будущих декабристов.

Первым дебютом Пушкина, как политического поэта, принято считать оду "Вольность", написанную в 1817 г. Дату эту подтверждают, однако, не объективные факты, относящиеся к 1817 г., а позднейшие автопризнания Пушкина, имевшего основания отрицать более позднее происхождение этой оды.

В оде "Вольность" Пушкин ориентируется как на литературный образец, на одноименную оду Радищева. Именно "вослед Радищеву" он хочет "воспеть свободу миру, // На тронах поразить порок"¹.

1. Д.Д.Благой, характеризуя обращение Пушкина к Радищеву в пору создания оды "Вольность", очень правильно отметил, что "дух Алцея" требовал "новых форм для своего выражения" и что "средствами карамзинизма, в широком смысле этого слова, средства-

Создавая свой гимн свободе, Пушкин вспоминает и другого своего предшественника на этом пути — автора "Марсельезы". Победный гимн Французской революционной демократии был еще у всех в памяти, у всех на устах. "Благородный след// Того возвышенного галла", о котором шла речь во второй строфе "Вольности", был связан с именем Руже де Лилля:

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Задуманная как революционный гимн, ода уже с третьей строфы перестраивается в политическую декларацию, в стихотворное рассуждение типа оды Радищева с широкими идеологическими обобщениями, с богатой исторической документацией, с предельно точными лозунгами, имеющими в виду, однако, не революционную самостоятельность народных масс, а "мощные законы" конституционной монархии. Ода кончается обращением к разуму и сердцу "царей":

Склонитесь первые главою
Под сень надёжную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

Пушкинская ода получила распространение не раньше лета 1819г. До этого времени её не знает не только русская общественность, но даже самые близкие Пушкину люди. Прокламации, даже стихотворные, не пишутся для письменного стола и не заготавливаются впрок. Для историка декабризма, как и для историка русской подпольной агитационно-пропагандистской литературы, дата "1817 г." не суще-

ми поэтики Батюшкова и Жуковского" выразить его было нельзя. Этими причинами исследователь объясняет переход Пушкина в оде "Вольность" на "столь до тех пор осуждавшиеся им "архаические пути" (Благой Д.Д. . Творческий путь Пушкина. М.-Л., 1950. С.168). Мы толкуем эти поиски новой поэтики несколько шире, не ограничивая их материалом одной только оды "Вольность" и далеко выходя за рамки 1817 года (см. об этом вступительную статью к "Воспоминаниям П.А.Катенина о Пушкине"// Литературное наследство. Т.16-18. С.619-634.

ствуется, ибо временем вхождения оды Пушкина в литературный и общественный оборот является год 1819. Именно в эту пору ода "Вольность" органически входит в агитационно-пропагандистскую литературу Союза Благоденствия и является существенным звеном в истории взаимоотношений Пушкина и декабристов.

В августе 1817 года центр политической жизни переместился почти на целый год в Москву. Вместе с войсками гвардии и царским двором в Москве оказались и руководящие деятели Союза Спасения. Их встречи и совещания в Москве закончились коренной реорганизацией тайного общества. На развалинах Союза Спасения родился новый союз — Союз Благоденствия, политическая партия с тщательно разработанным уставом, с широкой программой конкретных действий, рассчитанных не на дворцовый переворот, а на длительную борьбу с самодержавием, на постепенное "овладение мнением общественным". Большая работа именно в последнем направлении была необходима, "двобь, — как говорил Пестель, — общее мнение революции предшествовало".

Деятельность Союза Благоденствия в Петербурге начинает развёртываться не раньше осени 1818 г. К этому времени относятся и замечательный рассказ Катенина, только что возвратившегося из Москвы в столицу, о его встрече с Пушкиным. Катенин принадлежал к числу тех членов Союза Спасения, которые отказались принять новый устав как недостаточно обеспечивающий интересы скорейшего государственного переворота. Пушкин, конечно, ещё ничего не знал об этом, и в его глазах Катенин продолжал оставаться одним из ведущих деятелей тайной организации, к которой он, по свидетельству И.И.Пушина, так тянулся.

"Гость, — рассказывает Катенин, — встретил меня в дверях, подавая в руки толстым концом свою палку и говоря: "Я пришел к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи". — "Учёного учить — портить", отвечал я, взял его за руку и повёл в комнаты; через четверть часа все церемонии кончились, разговор оживился, время не приметно прошло.... Помнится, с самого начала спросил он: "Каковы мне кажутся его стихотворения?" Я, по неизлечимой болезни говорить правду, сказал, что лёгкое дарование приметно во всех, но хорошим почитаю только одно, и то коротенькое: "Мечты, мечты! Где ваша сладость?...".

В двух отношениях интересен для нас рассказ Катенина. Во-первых, он ярко характеризует тягу Пушкина к Катенину не только

как к литературному критику и теоретику, но и как к определённой политической личности, как к подлинному "учителю". Во-вторых, этот же рассказ удостоверяет, что в литературном формуляре Пушкина осенью 1818 г., так же как в 1817 г., еще не было ничего значительного в общественно-политическом плане. Если бы Пушкин к этому времени был уже автором "Вольности" или Послания "К Чаадаеву", Катенин не позволил бы себе третировать его как автора элегического фрагмента "Мечты, мечты! Где ваша сладость?".

Итак, осенью 1818 года Катенин еще ничего не знает о существовании оды "Вольность" Пушкина. Не менее характерно, что и П.А. Вяземский, вспоминая в 1820 г. свой стихотворный политический трактат "Негодование", написанный в 1818 г., утверждает:

Свобода! Пылким вдохновением
Я первым русским песнопеньем
Тебя приветствовать дерзал,
И звучным строем песен новых
Будил молчанье скал суровых
И слух ничтожных утратал.

Это признание сделано Вяземским в пору самого широкого распространения оды "Вольность", за которую Пушкин выслан был из Петербурга на юг.

Трудно вообразить, чтобы П.А. Вяземский мог назвать себя первым русским певцом конституционных гарантий народной свободы, если бы ода "Вольность" Пушкина написана была не в 1819, а в 1817 году!

С тех же позиций, что и Катенин, должны были рассматривать Пушкина в 1818 г. и руководители Союза Благоденствия. Он в их глазах продолжал оставаться талантливым, может быть, даже гениальным юношей, "лицейским Пушкиным", автором нескольких элегических и антологических стихотворений и дружеских посланий. Никаких оснований для привлечения Пушкина в тайное общество не давала и его работа над первыми песнями "Руслана и Людмилы": "Как ни велик талант Сверчка, — отмечал Батюшков в письме от 10 сентября 1818 г. к А.И. Тургеневу, — он его промотает, если ..., но дв спасут его музы и молитвы наши".

Вопрос о возможности включения Пушкина в ряды тайного общества осложнялся и тем "беспутным образом жизни" молодого поэта, жалобами на который полны свидетельства едва ль не всех его дру-

зей и знакомых этой поры: "По выходе из лица, — резюмировал рассказы об этом брат поэта, — Пушкин вполне воспользовался своей молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны: он жадно, бешено предавался всем наслаждениям".

Эта линия поведения вызвала резкие нарекания на Пушкина в кругу того "Общества умных", которое заправляло делами Союза Благоденствия в Петербурге. Вспоминая в набросках своего "Романа в письмах" 1818 год, Пушкин писал: "В то время строгость правил и политическая экономия были в моде. Мы являлись на балы, не снимая шпак: нам было неприлично танцевать и некогда заниматься дамами". Ср. в "Русском Пелаге": "Общество умных (И. Долгоруков, Сергей Трубецкой, Никита Муравьев etc)".

Пушкин в эту пору еще ни с какой стороны не отвечал тем высоким требованиям, которые предъявлялись каждому члену тайного общества основными параграфами его устава. Этот устав (так называемая "Зеленая Книга") очень строго регламентировал нормы поведения каждого члена Союза:

"Всякий член Союза должен для подавления примера согражданам отличным образом исполнять как семейные, так и общественные обязанности. Во всех поступках оказывать благородство и высоту души, добродетельному человеку свойственные. Не расточать попустому время в мнимых удовольствиях большого света, но досуги от исполнения обязанностей посвящать полезным занятиям или беседам людей благомыслящих... Словом: он должен как в помышлениях, так и в важных и даже незначущих делах возвышаться над толпою беспечных, безумствующих и порочных людей"¹.

Пункты этого устава объясняют, почему Пушкин не решился в 1818—1819 гг. принять Пушкина в Тайное Общество или хотя бы информировать о работе последнего: "Я ... не решался верить ему тайну, не мне одному принадлежавшую, где малейшая неосторожность могла быть пагубна всему делу. Подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми ненадежными пугали меня".

Однако, всё то, что еще пугало И.И.Пушину в молодом поэте, отнюдь не вовсе закрывало для последнего двери тайной организации. Руководители Союза Благоденствия трезво учитывали необходимость большой воспитательной работы в самых широких кругах русской интеллигенции для постепенного включения её верхов в ряды

тайного общества. Этой цели прежде всего должны были служить так называемые "вольные общества", учреждение которых предусматривалось специальными параграфами устава Союза:

"Вольными обществами называются в Союзе Благоденствия все общества, к цели его стремящиеся, но вне одного находящиеся. Учреждение оных и продолжение является в особую заслугу членам Союза — имени их вписываются в почётную книгу. Для составления таковых обществ необходимо, однако ж, позволение коренного Союза. Приискивание причин для оных предоставляется совершенно воле основателя, равно как и образование, число членов и предмет занятий. В оных должны быть порождены и укреплены: согласие и единодушие, охота к взаимному сообщению полезных мыслей, познание гражданских обязанностей и любовь к отечеству"¹.

В секретной записке о Союзе Благоденствия, составленной предателем М.К.Грибовским и представленной царю через генерала А.Х. Бенкендорфа в мае 1821 г., формам организации этих "вольных обществ" или "побочных управ" ("управами" назывались ячейки тайного общества) уделялось очень много внимания.

"Члены, приготовляемые мало по малу для Управы или долженствовавшие только служить орудиями, составляли побочные управы, под председательством одного члена Коренной, назывались для прикрытия разными именами ("Зеленая Лампа" и пр.) и под видом литературных вечеров или просто приятельских обществ, собирались как можно чаще".

"Председатели побочных Управ получали от Коренной наставление, чем занимать своих членов, какие читать и распространять сочинения, какие резглашать слухи и выдумывать карикатуры, кого из знатных стараться чернить в общем мнении, как судить о действиях правительства и пр."

Самой крупной, самой влиятельной и долговечной из этих "побочных Управ" Союза Благоденствия явилось общество "Зелёная Лампа", организованное капитаном генерального штаба Я.Н.Толстым, при ближайшем участии вождей Союза Ф.Н.Глинки и кн.Трубецкого. И именно через "Зелёную Лампу" осуществлялось прямое и непосредственное воздействие Союза Благоденствия на литературную и театральную общественность Петербурга. Общество открыло свои действия зимой 1818—1819 года. Одним из первых в состав членов этого филиала Союза Благоденствия принят был Пушкин.

В своём послании из Кишинёва к друзьям по "Зелёной Лампе"

("Горишь ли ты, лампада наша?") Пушкин дал, видимо, очень точную зарисовку той части заседания "Зелёной Лампы", которая не получала отражения в её официальных протоколах:

Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Сидилось милое равенство;
Где спонтанный произвол
Менял бутылки, разговоры,
Рассказы, песни шелуны,
И разгорались наши слогы
От искр, и шуток, и лиге.

"Я был один из первых установителей сего общества и избран первым председателем, — писал в своём покаянном письме к царю от 26 июля 1826 г. Я.Н.Толстой. — Оно получило название "Зелёной Лампы" по причине лампы сего цвета, висевшей в зале, где собирались члены. Под сим названием крылось, однако же, двусмысленное поразумение и девиз общества состоял из слов: Свет и Надежда; причем, составлены также кольца, на коих вырезаны были лампы; члены обязаны были иметь у себя по кольцу... Статут приглашал в заседаниях объясняться свободно и каждый член давал слово хранить тайну".

Приводные ремни от Тайного Общества к Пушкину шли, разумеется, не только через "Зелёную Лампу", но как основная форма организационной связи Пушкина с Союзом Благоденствия, именно "Зелёная Лампа" представляет для нас исключительный интерес.

Успешный разворот деятельности "Зелёной Лампы" подсказал в феврале 1819 г. Н.И.Тургеневу план организации "Общества 19-го года XIX века", основной целью которого являлось создание большого общественно-политического и литературного журнала. Этот журнал должен был проводить в самые широкие массы читателей "общие правила гражданственности" в том понимании этих начал, какое Союз Благоденствия считал обязательным для всех своих членов. Из этой затеи ничего не вышло, но необычайно характерно, что в числе тех десяти участников предварительных совещаний, которых Н.И.

Тургенев намечал в члены-учредители этого полулегального общества, вместе с Никитой Муравьевым, Ф.Глинкой, М.Грибовским, Куницыным, Бурцевым, Калозиным и Пуциным был и Пушкин.

Ставя вопрос о воздействии Союза Благоденствия на литературно-политическую эволюцию Пушкина, мы прежде всего должны иметь в виду, что вся литературная политика Союза диктовалась интересами борьбы за утверждение русской национально-демократической культуры, за ликвидацию иноземных влияний в быту, в искусстве и в литературе. Для установок "Зелёной Лампы" очень характерно "Письмо к другу в Германию" Улыбышева, сохранившееся в остатках архива этого Тайного общества. Автор "письма", протестуя против "ребячьего подражания иностранному", "задерживающему истинное развитие искусства", отмечает: "Костюм, который более всего нравится в России иностранцам, — это костюм национальный. Нет ничего красивее русской женщины; русские песни — самые трогательные, самые выразительные, какие только можно услышать... Итак, не подбирая жалким образом колосья с чужого поля, а разрабатывая собственные богатства, которыми иностранцы воспользовались раньше нас самих, мы сможем когда-нибудь соперничать с французами, и после того, как мы отняли у них лавры Мерса, мы будем оспаривать и лавры Аполлона".

Литературно-политическая платформа Союза Благоденствия — это платформа Катенина, Гнедича, Грибоедова, В.Ф.Раевского, Кухельбекера, Рылеева. Эта платформа становится после вхождения Пушкина в "Зелёную Лампу" органической частью и его собственной литературной программы.

Общие идеологические установки и конкретные литературно-политические задания Союза Благоденствия обуславливают рождение и расцвет политической лирики Пушкина и его политической сатиры!

До вступления Пушкина в "Зелёную Лампу" русская общественность не знала ни одного произведения Пушкина, хоть сколько-нибудь значимого в социально-политическом отношении. Живой же контакт с тайной организацией обуславливает создание одного за другим таких произведений, как "Ноэль" ("Ура! В Россию скачет кочующий деспот!") — от 20 декабря 1818 г., как "Ответ на вызов написать стихи в честь имп. Елизаветы Алексеевны" (начало марта 1819 г.), как "Холоп венчанного осл. эта" (начало апреля 1819 г.), как "Вольность" (июль 1819 г.), как "Деревица" (август 1819 г.), как эпиграммы на Аракчеева ("Воей России притеснитель"), на Го-

лица, не Фотия, как "Послание к Чаадаеву" (февраль - март 1820 г.): Всё это - продукция каких-нибудь 14 месяцев. Пушкин политически "клокочет" сам и заставляет "клокотать" умы всех своих современников.

Мы несколько не склонны полагать, что влияние платформы Союза Благоденствия всегда являлось фактором благотворным. Под воздействием лидеров правого фланга Союза (Ф.Н.Глинки, Н.И.Тургенева) Пушкин иногда вынужден идти в своих декларациях на уступки, которым сам явно не сочувствовал. Его широкий демократизм, его ненависть к деспотизму, его "площадное вольнодумство" и народолюбие этой поры не раз пережывают те рамки, которыми ограничена была политическая мысль петербургских вождей Союза Благоденствия этой поры. Даже выполняя прямые литературно-политические поручения Союза ("Ответ на вызов...", переделка "Вольности", концовка "Деревни" с её мнимыми надеждами на царя), Пушкин иногда шёл впереди своих заказчиков, подавая более правильные решения тех задач, которые они ему навязывали. Поэтому легальные и нелегальные произведения Пушкина и сыграли в общеразволюционном подъёме всей страны накануне 14-го декабря несравненно более крупную роль, чем вся прочая, вместе взятая, агитационно-пропагандистская литература декабристов. Петербургский первый этап его творческого пути неразрывно связан с агитационно-пропагандистской работой Союза Благоденствия и его подсобных подпольных, легальных и полудекабристских организаций.

"Над адептом поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере, облако, и громоносное,- писал Н.М.Карамзин 19 апреля 1820г. Дмитриеву.- Служа под знаменем либералистов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч. и проч. Это узнала полиция etc. Опасаются следствий".

Мы сейчас уже знаем, что имел в виду Карамзин, информируя своего приятеля об особом внимании "полиции" к Пушкину. Об этом дошёл до нас рассказ Ф.М.Глинки, человека в ту пору очень осведомлённого. Он одновременно был и одним из руководящих деятелей подпольного Союза Благоденствия и штаб-офицером для особых поручений при петербургском военном генерал-губернаторе гр. М.А.Милорадовиче.

Неудивительно, что Пушкин прежде всего поспешил поделиться именно с Глинкой (он был его товарищем и по "Зелёной Лампе") опасениями за свою участь. "Слух о моих и не моих пьесах, разбе-

жавшихся по рукам, дошёл до правительства, — рассказывал Пушкин Глинке, — вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старший дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесёт их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял дв и съёл все мои бумаги... Теперь, — продолжал Пушкин, немного озабоченный, — меня требуют к Милорадовичу! Я не знаю, как и что будет, и с чего с ним-взяться... Вот я и шёл посоветоваться с вами". Видимо, советы Глинки Пушкинугодились, ибо когда "часе через три" Глинка зашел к Милорадовичу, последний встретил его словами: "Знаешь, душа моя! У меня сейчас был Пушкин. Мне ведь велено взять его и забрать все его бумаги; но я счёл более деликатным пригласить его к себе и уж от него самого вытребовать бумаги. Вот он и явился очень спокоен, со светлым лицом, и когда я спросил о бумагах, он отвечал: "Граф! Все мои стихи сожжены! У меня ничего не найдёте в квартире, но если вам угодно, всё найдётся здесь" (указал пальцем на свой лоб). Прикажите подать бумаги: я напишу всё, что когда-либо написано мною (разумеется, кроме печатного) с отметкою, что моё и что разошлось под моим именем". Подали бумаги. Пушкин сел и писал, писал... и написал целую тетрадь... Вот она (указывая на стол у окна), полюбуйтесь! Завтра я её отвезу государю...

На другой день я пришёл к Милорадовичу поранее. Он возвратился от государя и первым словом его было: "Ну, вот дело Пушкина и решено!" И продолжал: "Я подал государю тетрадь и сказал: "Здесь всё, что разбросалось в публике, но вам, государь, лучше этого не читать". Государь улыбнулся на мою заботливость. Потом я рассказал подробно, как у нас было дело. Государь олушёл внимательно, и наконец, спросил: а что же ты сделал с автором? — "Я? Я объявил ему от имени вашего величества прощение!". Тут мне показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчав немного, он с живостью сказал: "Не рано ли?!" Потом, ещё подумав, прибавил: "ну, коли уж так, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина в дорогу, выдать ему прогоны и, с соблюдением возможной благовидности, отправить его на службу на юг". Вот как было дело"¹.

Документальные данные о высылке Пушкина из Петербурга на юг в общем и целом подтверждают воспоминания Глинки. До нас не до-

1. Русский архив. 1866. С.918.

шла только та "тетрадь", в которой рукою Пушкина внесены были все "презревшие печать" политические эпитки и эпиграммы конца 10-х и начала 20-х годов. Так или иначе, но Пушкин был первым представителем декабристской интеллигенции, репрессированным за свою открытую борьбу с абсолютизмом.

Высылка в мае 1820 г. из Петербурга в Кишинев сменялась принудительной службой в Одессе, служба в Одессе прервана была в 1824 г. ссылкой в Михайловское. Как политический сыльный, постоянно находящийся в сфере наблюдений органов явной и тайной полиции, Пушкин не мог уже никак рассчитывать на прием в Тайное общество. Это было исключено условиями самой элементарной конспирации. Поэтому, несмотря на самую тесную связь в 1820-1822 гг. с такими деятелями Союза Благоденствия, как В.Ф.Раевский, М.Ф.Орлов, П.С.Пущин, К.А.Охотников, несмотря на знакомство с П.И.Пестелем, С.Г.Волконским, В.Л.Давидовым и др., Пушкин никак не мог быть принятым в Тайное общество ни в Кишиневе, ни в Тульчине, ни в Каменке, ни в Одессе.

Ничего не изменила в этом отношении и ссылка Пушкина в Михайловское. Правда, еще И.И.Пущин в 1819 г. успокаивал Пушкина тем, что он "лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели: тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его "Деревня", "Оде на свободу", "Ура! В Россию скачет кочующий деспот" и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов". Это же подтвердил Пушкину в ноябре 1820 г. в Каменке и декабрист Якушкин, рассказывая о том, что "все его непечатанные сочинения: "Деревня", "Кинжал", четырехстишие к Аракчееву, послание к Петру Чаадаеву и много других, были не только всем известны, но в то время не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал бы их наизусть".

Из политических стихотворений, написанных Пушкиным за время ссылки, использован был декабристами в агитационно-пропагандистских целях и получил широчайшее распространение только "Кинжал":

Лемносский бог тебя сковал
Для рук бессмертной Немезиды,
Свободы тайный страж, карающий кинжал,
Последний судья позоре и обиды.

Очень характерно, что декабрист Бестужев-Рюмин, во время

следствия 1826 г. обвинялся в том, что использовал стихотворение Пушкина для поднятия революционного активизма только что принятых в Южное Тайное Общество членов организации "Соединенных Славян": "Вы будучи у Спиридова хвалили и прочитывали наизусть соч. Пушкина под названием "Кинжал", которое тут же написали своею рукой и отдали Спиридову, а он, Громницкий, списал для себя уже у Спиридова. Справедливость сего свидетельствуют как Спиридов и Тютчев, так и Лисовский. Капитан же Пыхачев показывает, что вы часто читали наизусть, хвалили и раздавали всем членом вольнодумческие стихи Пушкина".

М.П.Бестужев-Рюмин признал "совершенную справедливость" этих обвинений, отметив, что "рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих уд вляло".

х х х

Цикл декабристской лирики Пушкина завершается стихотворением "Андрей Шенье в темнице". В этом произведении, написанном в Михайловском в январе 1825 г., получили предельно ясное отражение настроения поэта, переживающего сомнения в правильности избранного им пути. Он уже готов, как будто бы, признать ошибкой свое включение в общественно-политическую работу:

Куде, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою злетую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраненную домашними богами.

Но эти сомнения, эти колебания поэтом отбрасываются. Нет, выбор сделан был правильно, "Цитеры слабая царица" не может быть объектом поклонения подлинного поэта, кровно связанного со своей страной, живущего её радостями и её печалью. Пушкин как бы вспоминает свою "Вольность", "Деревню", "Кинжал", "Послание к Чаадаеву", эпиграммы на царя, на Аракчеева, на Фотия, на Стурдзу, на Воронцова. Сомнениям не может быть места:

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных,
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных.
Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:
Оне в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный;
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь тиран! Негодованье
Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок...

В этих стихах речь шла как будто бы об А.Шенье и Робеспьера. Но не случайно именно некоторые строфы "А.Шенье" Пушкина после восстания 14-го декабря пошли по рукам в функции актуальной политической агитки, с новым заголовком "На 14-е декабря". Сам Пушкин еще в мае 1825 г. писал Вяземскому: "Читал ты моего "А. Шенье в темнице"? Суди о нем, как извуст, по намерению". При первых известиях о смерти Александра I, Пушкин открыто подтвердил политическую двупланность своей элегии, в которой речь шла, конечно, не о Робеспьере, а о только что умершем царе: "Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына и etc." (Письмо к Плетневу от 4 декабря 1825 г.).

Поэтом декабризма Пушкин продолжает сознавать себя и после краха восстания. В этом отношении характерно не только "Послание в Сибирь" (1827):

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.
Несчастью верная сестра,

Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье.
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Пафос этого послания мог определяться, конечно, особенностями назначения этих стихов — поднять бодрость "друзей, братьев, товарищей", осужденных прозябать в "каторжных норах". Гораздо более ответственным представляется нам "Арион", анонимно опубликованный Пушкиным в "Литературной Газете" 1830 г. "Арион" предшествовал так называемой десятой главе "Онегина", в которой Пушкин выступал уже не как поэтический трибун, а скорее как историк поколения, впервые заявившего себя на исторической арене в "грозу 12-го года" и выброшенного из жизни трагедией 14-го декабря. Самая публикация "Ариона" — акт исключительного гражданского мужества. Эти стихи, написанные еще, вероятно, в 1826 г., по понятным причинам не могли рассчитывать на печать, так как их символика была слишком прозрачна, особенно в устах Пушкина. Прошло около 4-х лет. За плечами Пушкина был уже не только процесс декабристов, но и два военно-судных "дела", непосредственно его затронувших — о распространении "Андрея Шенье" и о "Гавриилиаде". В результате последнего из этих процессов Пушкин официально отдан был под присмотр полиции. Над ним тяготел и тройной цензурный надзор (цензура общая, цензура III Отделения и личная цензура Николая). Пушкин не мог не понимать, чем грозит дознание об "Арионе", если стихами этими заинтересуется Бенкендорф и потребует раскрыть имя их автора. И Пушкин тем не менее пошел на этот риск, оправдать который могло только страстное желание поэта ответить на те клеветнические толки о его идейной якобы капитуляции, которые широко распространились по всей стране в связи с его "Стансами" ("В надежде славы и добра") и последним "Друзьям" ("Нет, я не льстец"). Моральную необходимость каких-то объяснений с читателем Пушкин особенно остро почувствовал после

своих встреч в Закавказьи в 1829 г. с осколками разбитой армии декабристов. Во время путешествия в Арзрум Пушкин намечает и неизвестный нам из других источников план окончания "Е.Онегина", о котором рассказывает М.В.Зезфович, план, согласно которому Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов"¹.

"Арион" — это поэтическая исповедь в форме передачи якобы античного мифа:

Арион

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склоняюсь, наш кормщик умный
В мочанье правил грузный челя;
А я — беспечной верой полн, —
Пловцем я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налёту вихорь шумный...
Погиб и кормщик, и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозюю.
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалюю.

Пушкин таким образом и в 1830 г. никак не отделяет себя от декабристов. Он понимает и подчёркивает случайность своего спасения, но не собирается изменять своему знамени, знамени первых русских революционеров: "Я гимны прежние пою". Именно так понял был Пушкин и лучшими из своих современников. Именно так понят был смысл его творческой работы и Герцаном.

Публикуя работу покойного Юлиана Григорьевича Оксмана, редколлегия сохраняет ее жанр. Она была замыслена как лекция, приуроченная к 125-летию восстания декабристов. В 1950 г. с цензурой пришлось более чем считаться. Многие из того, что Юлиан Григорьевич думал по возвращении со сталинской каторги, он не мог высказать. Жанр статьи обусловил и отсутствие ссылок на источники. Публикуемое произведение во многом сходно со статьей "Пушкин и декабристы", напечатанной в первом выпуске "Освободительного движения", издаваемом в Саратове. Но тираж этого выпуска ничтожно мал (500 экземпляров). А между тем, подход Ю.Г.Оксмана к декабристскому "самиздату" уникален. Зная сталинский, хрущевский и брежневский "самиздет" и "темиздет", Оксман увидел в "потенной литературе" прошлого века много нового и неожиданного. Он был не только читателем "самиздата" и темиздата", но и одним из его создателей. Даже пытался организовать выпуск "Колокола". Об этом рассказывал Г.Струве в некрологе о Ю.Г.Оксмане, опубликованном в газете "Русская мысль" 15 октября 1970 г. В СССР она мало известна и мы считаем нужным перепечатать текст некролога: "Ю.Г.Оксман. (1895-1970 гг.). Из Москвы получено известие о кончине одного из виднейших и талантливейших литературоведов нашего времени Юлиана Григорьевича Оксмана.

Оксман родился 30-го декабря (ст.стиля) 1894 г. в городе Вознесенске Херсонской губернии. Он окончил в 1917 г. С.-Петербургский (тогда именовавшийся Петроградским) университет по историко-филологическому факультету. В студенческие годы он был одним из самых видных и деятельных участников знаменитого Пушкинского семинария С.А.Венгерова, насчитывая среди своих друзей Ю.Н.Тынянова, Б.М.Эйхенбауме, Н.В.Измейлова, покойного Ю.А.Никольского и других выкормышей этого семинария. Некоторое время в первые годы революции Оксман жил и печатался в Одессе, а в 1923 г. вернулся в Петроград как профессор университета.

Многие его работы были в области пушкиноведения, в 1933 он стал членом Пушкинской комиссии Академии Наук СССР, а с 1933 по 1936 был заместителем директора Пушкинского Дома (Институт Русской Литературы) и принимал близкое участие в подготовке посвященного Пушкину двойного тома "Литературного Наследства" (т. 16-18) и юбилейного издания сочинений Пушкина. Том "Л.Н." вышел еще в 1934 г. и в нем была напечатана статья Оксмана о работе Пушки-

на над "Историей Пугачева", а также публикация некоторых писем Пушкина.

Но еще до юбилея и до выхода юбилейного издания над Оксманом разревилась гроза, и он стал одной из первых среди ученых-литературоведов жертв сталинских чисток. Непосредственной причиной его опалы была, очевидно, его близость к Л.В.Каменеву, который возглавлял пушкинскую юбилейную комиссию. В заметке об Оксмане, помещенной в томе 5 "Краткой Литературной Энциклопедии", вышедшей в 1968 г., обращает на себя внимание стыдливое умолчание о деятельности Оксмана между 1936 и 1946 гг. С 1936 года заметка сразу пересккивает на 1946-й.

Дело в том, что эти десять лет Оксман провел в ссылке, большей частью в Колымском концлагерном комплексе. Самое авторство первоначальной заметки и фиктивная подпись под ней представляют немалый интерес, но об этом говорить сейчас, пожалуй, еще преждевременно. Во всяком случае, выйдя этот том "Краткой Литературной Энциклопедии" на год или два раньше, Оксман едва ли попал бы в него: между 1964 и 1968 гг. на его имени лежало почти полное табу.

В одном отношении Оксман явился довольно редким исключением: в результате хлопот его коллег и почитателей, и особенно покойного Г.А.Гуковского (который потом сам оказался жертвой сталинской расправы после войны, отказавшись покаяться в своем "космополитизме" и денонсировать "школу А.Н.Веселовского"), Оксман был досрочно освобожден в 1946 г., и ему было разрешено поселиться в Саратове и преподавать в тамошнем университете (там как раз преподавал в то время Гуковский). Оксман оставался в Саратове до 1957 г. В 1952 г. в "Ученых Записках Саратовского Университета" была напечатана одна его работа, с которой можно датировать его "реабилитацию" как ученого. Но полную реабилитацию он получил лишь позже, переехав в Москву и став с 1958 г. старшим научным сотрудником Института Мировой Литературы им.Горького. В том же году появилась его книга "Летопись жизни и деятельности В.Г.Белинского", за которую он позднее получил премию Академии Наук.

В 1959 г. - еще в Саратове - вышла книга Оксмана "От Капитанской дочки к "Запискам охотника"; Пушкин - Рылеев - Кольцов - Белинский - Тургенев". В эти годы Ю.Г.Оксман был привлечен к редактированию ряда новых собраний сочинений русских авторов: Герцена, Тургенева и др.

Еще в 1958 г. должен был выйти сборник "Декабристы в Москве", но издание его задержалось на пять лет из-за статьи Оксмана "Балинский и политические традиции декабристов": Оксман был обвинен в том, что он, мол, "ревизует" какие-то идеологические позиции. В том же 1963 году еще появился под редакцией Оксмана сборник "Проблемы изучения Герцена".

В 1964 г. имя Оксмана снова исчезло из обращения: оно осталось только в списке членов редакционной коллегии ценнейшего полного собрания сочинений и писем И.С.Тургенева. После первого тома "Краткой Литературной Энциклопедии", в создании и редактировании которой Оксман принимал самое активное участие, он был выведен из состава ее редакционной коллегии. Некоторое время он просто перестал печататься; потом его научно-литературные работы стали появляться под разными псевдонимами (Ю. Григорьев, Ю. Осокин и др.) в сборниках "Прометей" и в разных "Ученых Записках". Одна небольшая статья была напечатана за границей в переводе в одном из американских славистических журналов (появилась она и по-русски, но уже позднее и под псевдонимом). Эта вторичная опала Оксмана была связана с его встречами и научными сношениями с иностранными учеными, среди которых у него в эти годы после возвращения из ссылки появилось много друзей и почитателей. В противовес советской практике, 70-летие Ю.Г.Оксмана в январе в 1965 г. никак не было отмечено. Не было отмечено и его 75-летие в январе этого года (1970). Почти полный запрет самого упоминания его имени был снят только в 1968 г. Ему было даже поручено редактирование для серии "Литературные памятники" "Ане Карениной" Толстого в том виде, как роман был написан - т.е. без изменений, внесенных в текст женой Толстого и Н.Страховым. Этот текст по разным соображениям не вошел в хорошо известное Собрание сочинений в 100 томах под редакцией покойного Н.К.Гудзия.

Тем, кто встречал Ю.Г.Оксмана в послесталинские годы, он иногда говорил, что России был бы нужен новый герценовский "Колокол", и он скорбел о том, что в эмиграции "нет Герцена".

Пишущий эти строки пока видел сообщения о смерти Оксмана лишь в заграничной печати. Читателям в России, даже если они и прочли его некрологи и улыхали о его заслугах перед русской наукой, едва ли могла быть оказана вся правда о нем¹.

1. Русская мысль. 1970. 15 сентября. № 2812. Подписано, "ХУ". При публикации некролога сохранена пунктуация и орфография подлинника.

Теперь можно сказать всю правду. Ю.Г.Оксман и Аркадий Белинков готовили издание нового "Колокола". Осуществить свое намерение они не успели. Но вся жизнь Оксмана была "колоколом". А это позволило ему по-новому прочесть Пушкина I.

В.В.Пугачев, В.А.Динес, Л.Е.Герасимова

ПОДВИГ ЖИЗНИ АНТОНИНЫ ПЕТРОВНЫ ОКСМАН

(14 марта 1994 г. - 29 сентября 1984 г.)

А кони все скачут и скачут,

А избы горят и горят...

И при Некрасове и при Коржавине. И входили и входят в горячие избы самоотверженные женщины. Одна из них - Антонина Петровна.

Ее изба и рела долго - большую часть девяностолетней жизни. Во многом ее самоотверженности обязан жизнью один из крупнейших пушкинистов, историков русской культуры Юлиан Григорьевич Оксман. Антонина Петровна помогла в мужу и материально и морально в бытность его на разных островах гулаговского "архипелага". Во времена гонений со стороны Союза советских писателей, дирекции Института мировой литературы Академии Наук СССР, во времена допросов, всяческих притеснений в печати, моральной дискриминации.

Как и героиням болженицинских романов, женам репрессированных, ей было куда трудней, чем княгиням Волконской или Трубетцкой, чем женам декабристов. С работой, с деньгами, с анкетой. Но А.П.Оксман выдержала все испытания. Она заслуживает такого же внимания историков, как Ю.Г.Оксман. Разделить их в истории нашей многоотрадальной культуры невозможно.

Антонина Петровна родилась в Вознесенке в семье войскового князьего старшины Петра Яковлевича Семенова. Мать, Наталья Давыдовна Семенова, была дочерью кентониста.

Будущие супруги познакомились в гимназические годы в городе Вознесенске (Харьковской губернии). Оба кончили гимназию в 1912 году. После этого Юлиан Григорьевич учился в Германии, а Антонина Петровна - в Швейцарии и в Париже. Первая мировая война прервала заграничную учебу. Когда Юлиан Григорьевич был студентом

I. В восьмом номере "Звезды" за 1990 г. появилась публикация "Из переписки Юлиана Оксмана и Виктора Шкловского" (с. 128-141). К сожалению, эти важные и интересные документы очень небрежно прокомментированы Л.В.Грозовым, допустившим ряд фактических ошибок.

Памяти
Антонины Петровны Оксман
посвящается

"ТАМИЗДАТ"
от осуждения - к диалогу

Издательство Саратовского университета

1990